

О характере Абрама Иоффе, противостоянии ученых и 200-летию Академии наук

<http://oralhistory.ru/talks/orh-181-182>

🎙 12 апреля 1971

Собеседник

Ребиндер Петр Александрович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 12 апреля 1971 и опубликована 4 сентября 2017.

Введение

Во второй беседе Петр Александрович Ребиндер продолжает рассказ об А.Ф. Иоффе и основанном им Физико-техническом институте. Говорит о сближении химии и физики, вспоминает знаменитых химиков: мягкий характер Н.С. Курнакова и его неумение критиковать, особенности словообразования И.А. Каблукова, противостояние А.Н. Баха и Н.Д. Зелинского. Ребиндер рассказывает о встречах с иностранными учеными во время юбилеев Академии наук и о курьезном короновании В.А. Стеклова во время осмотра иностранцами Алмазного фонда.

А.Ф. Иоффе и Ленинградский физико-технический институт

Петр Александрович Ребиндер: Огромная заслуга академика Иоффе состояла прежде всего в децентрализации организуемой им советской физики. Его школа в самом широком смысле развивалась не только в Ленинграде, но и в Харькове, и на Урале, и в Сибири. Всюду организовывались физико-технические институты наподобие ленинградского с тщательно согласованными планами научно-исследовательских работ: не повторявшие, а дополнявшие друг друга. Создавались новые кадры на местах. Выбирались талантливые молодые люди, становившиеся физиками под руководством старших физиков, учеников самого Иоффе.

И в Ленинграде, и в других центрах, созданных школой Иоффе, работа проводилась дружными коллективами, в которых было все нужное для роста молодых кадров. Тут было и много здорового, естественного веселья. Так, например, стоит вспомнить, что в Ленинграде, в Физико-техническом институте, выпускалась газета, наподобие стенной, но полная действительного веселья. Эта газета называлась “Physikalische Dummheiten” — «Физические глупости». В ней безжалостно шутили над самим шефом, над академиком Иоффе, по всякому поводу. Не оставались в стороне и старшие друзья Иоффе — ученые старшего возраста из других городов. Ну, например, в этой газете была маленькая заметка из Москвы, связанная с тем, что академик Лазарев, замечательный биофизик, геофизик и физик, занимался, по существу, всеми применениями физики, что тогда для многих казалось странным. Ну, естественно, разбрасывался.

” Было написано: «Из Москвы нам сообщают, что известный ученый ПэПэЛаз (так называли Петра Петровича Лазарева) изобрел новый способ варки стекла для втирания очков». Но это такая, довольно ядовитая шутка над академиком Лазаревым.

Надо сказать, что с самого начала замечательная школа Иоффе уделяла много внимания многообразным применениям физики во всех областях социалистического строительства, в самых разнообразных отраслях производства. Вместе с этим, так же как и в Москве, в Ленинграде уделялось очень много внимания пограничным областям физики. Так, одним из самых талантливых учеников Иоффе, в дальнейшем ставшим вскоре академиком, Николаем Николаевичем Семёновым была создана химическая физика. Так была названа химическая кинетика, то есть наука о взаимодействиях молекул в химических процессах, в химических превращениях. Кинетика элементарных актов соударения молекул, приводящая к их разбиванию на атомы и к образованию новых молекул путем новых сочетаний атомов. Вскоре группа Семёнова выделилась в самостоятельный институт, Институт химической физики, который помещался там же, в Сосновке, в Лесном, под Ленинградом. А затем этот институт переехал после войны в Москву. Но, надо сказать, что Физико-технический институт имени Иоффе в дальнейшем остался в Ленинграде, так же как и отпочковавшийся от него Институт полупроводников, в котором сам Абрам Федорович Иоффе вместе со своими ближайшими сотрудниками в последние годы своей научной работы, до самой смерти, проводил исследовательскую работу над наиболее любимыми им вопросами — вопросами физики твердого тела, связанными с использованием полупроводников во всех отраслях новой техники и промышленности.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Раз вы Иоффе лично знали, хорошо, если бы вы о нем рассказали, как о человеке.

П.Р.: Да, конечно. Вот Абрам Федорович мне очень хорошо знаком, и он мне очень многим помогал в моей деятельности. Ну, например, мне очень памятно, как он мне предложил в 28-м году выступить с докладом на французском языке по любимым мною вопросам физико-химической механики, которую тогда я начинал развивать, — адсорбционного понижения прочности твердых тел. Тогда я начинал большие работы по выяснению физико-химического влияния среды на прочность разнообразных твердых тел: и кристаллических, и стекловидных, аморфных.

Тогда в Москву и в Ленинград приехал с большой поездкой по Советскому Союзу знаменитый французский физик Ланжевен. Поль Ланжевен был большим другом академика Иоффе. Ну, и так как я легко говорю по-французски, то Иоффе поручил мне сопровождать Ланжевена во время его поездки по нашей стране, а когда Ланжевен был в Ленинграде, то мне удалось на коллоквиуме Абрама Федоровича Иоффе выступить с этим докладом.

Очень интересна реакция Иоффе и Ланжевена как крупнейших физиков того времени на все новое, даже далекое от их непосредственных интересов. В дальнейшем Абрам Федорович Иоффе очень многим помогал мне в нашей работе и в работе моего коллектива. Я с нежностью и благодарностью вспоминаю, как в начале войны, когда наши работы оказались сосредоточенными в Казани в связи с переводом туда основных физических и химических институтов Академии наук, как тогда Абрам Федорович Иоффе по первым итогам этих работ предпринял все нужное для того, чтобы этим работам (как и работам академика Гребенщикова) были присуждены две государственные премии по химии.

Слева направо нижний ряд: Ф. Жолио-Кюри, А.Ф. Иоффе, И. Жолио-Кюри. Верхний ряд: Д.В. Скобельцын, С.И. Вавилов. Москва, 1937. Источник фото: www.ras.ru

Иоффе отличался чрезвычайной благожелательностью и разносторонностью своих интересов. Он умел проявлять заинтересованность даже в тех вопросах физики, которыми сам он не занимался и которые, казалось, далеки от него. Был человеком очень веселым, жизнерадостным и жизнелюбивым. Это жизнелюбие сказывалось у него во всем. Он непосредственно участвовал во всех тех веселых, я бы их назвал «отдыхательных», мероприятиях, которые проводились у него в институте и в других научных учреждениях. Очень часто он сам выступал в Москве с докладами, которые ставили своей целью сближение интересов московских и ленинградских физиков. Тесная дружба связывала Абрама Федоровича Иоффе прежде всего с Сергеем Ивановичем Вавиловым. И эта дружба проявилась особенно в то время,

когда Сергей Иванович, к сожалению, в течение недолгого очень срока был президентом Академии наук. Как известно, он был избран президентом еще при жизни Владимира Леонтьевича Комарова в связи с тяжелым его заболеванием, не позволившим ему оставаться на этом посту. После ухода академика Комарова с поста президента (вскоре академик Комаров умер) Сергей Иванович Вавилов, как чрезвычайно деятельный физик, организовавший еще до войны Физический институт Академии наук СССР на месте бывшего института академика Лазарева на Даниловской* площади, был избран Президентом Академии наук. Все физики и химики встретили с большой радостью это избрание. И избрание это было плодом общего согласия и выражением общего желания всех академических работников и, прежде всего, всех академиков того времени. К сожалению, уже тогда здоровье Сергея Ивановича подтачивалось очень тяжелым сердечным заболеванием, от которого он и умер в начале 1951 года на пороге своего 60-летия.

В.Д.: Вот как? А Иоффе умер когда?

П.Р.: Иоффе пережил намного Сергея Ивановича. Я не помню точную дату его смерти, но знаю, что он умер значительно позднее**. И что самое характерное для его деятельности, что до самых последних дней своей жизни он занимался очень плодотворными исследованиями в области полупроводников. Деятельность Иоффе, больше чем в каком-нибудь другом случае, опровергает мнение о том, что плодотворно работают только молодые физики. Это неверно. Иоффе был замечательным экспериментатором, и его идеи, переданные им молодежи, возникали именно в последние годы жизни. Часть этих идей он успел сам претворить в жизнь в последние годы своей деятельности.

* Основанный П.П. Лазаревым Институт физики и биофизики находился на Миусской площади.

** А.Ф. Иоффе умер в 1960 году в 79 лет.

О химике Н.С. Курнакове

Мне хочется рассказать теперь немножко подробнее о химиках, так как физика и химия в наше время в продолжение многих десятилетий настолько тесно переплетаются друг с другом в единое целое, что сейчас, собственно говоря, нет физики без химии, нет химии без физики. Сейчас эти науки соединились в одну, можно сказать, пограничную королеву знаний — физическую химию, включающую в себя и химическую физику, о которой я уже говорил. Тут я должен, прежде всего, вспомнить о ленинградской школе физикохимиков, школе физико-химического анализа, которая была создана замечательным русским химиком профессором Горного института в Ленинграде, а еще раньше в Петербурге, академиком Николаем Семеновичем Курнаковым. Академик Курнаков был замечательным исследователем, с помощью физических методов изучавшим фазовые превращения веществ, равновесия в многофазных системах, в так называемых гетерогенных системах, и разработавшим методы физико-химического анализа фазовых равновесий. Он работал и в области солей, и в области металлов и сплавов, и близок был к фазовым превращениям в органических соединениях. Таким образом, его работы, носившие характер физико-химических исследований, объединяли все области химии и химической технологии, включая металлургию, и металловедение, и обработку металлов, и добычу природных солей, и использования огромных соляных ресурсов в морях и океанах. Ну, скажем, в Каспийском море, где, как известно, в заливе Кара-Бугаз добываются путем испарения морской воды соли, отлагающиеся так же естественно, как и в Сиваше, в заливах около Крымского* перешейка, где тоже добываются огромные количества морской соли, которая может быть использована и с медицинскими целями для приема внутрь, для того, чтобы получать и сернокислый магний, и сернокислый натрий (как известно, слабительные соли) и для того, чтобы использовать в виде ванн, для разного рода медицинских процедур, и, наконец, для технологических целей, где можно разделять эти соли, отдельно выделяя калиевые, натриевые и магниевые соли.

* Около Перекопского перешейка.

Курнаков и его ученики оказались у нас основателями большого института, который, в связи с переездом Академии наук в Москву, оказался организованным уже в Москве в качестве итога первых лет работы

школы Курнакова в Москве.

Николай Семенович Курнаков, скончавшийся перед войной, не мог полностью использовать на этом этапе плоды развития своей школы в Институте общей и неорганической химии — так был назван этот институт, который после смерти Курнакова носит его имя. Этот институт сейчас перестроился, его коллектив получил возможность построить новое здание на том же месте, где до войны был институт имени Курнакова. Это огромное современное здание, которое будет освоено в ближайшие годы. Сейчас этот институт работает несколько стесненно из-за этого строительства. Но я с нежностью так же, как и все химики, вспоминаю замечательного основателя этого института.

Николай Семенович Курнаков был, собственно говоря, химиком-горняком, то есть химиком, посвятившим первые, а в дальнейшем и многие работы своей школы изучению горно-химического сырья, то есть полезных ископаемых, которые используются для химической технологии в качестве сырья для переработки в технологических процессах. Таковы не только солевые ресурсы, о которых я уже говорил, не только нерудные ископаемые: разнообразные соли, самородная сера, графит, слюда, многие другие ископаемые, но и металлические, рудные ископаемые: таковы металлосодержащие руды, от самых дешевых железных руд и кончая самыми дорогими — самородной платиной, самородным золотом и разнообразными рудами цветных и редких металлов, включая и радиоактивные. Достаточно сказать, что из Курнаковского института отпочковались и такие лаборатории, вошедшие затем в Институт общей и неорганической химии, как лаборатории по химии комплексных соединений, платины и родственных платине металлов. Эти работы возглавлялись в советское время академиком Черняевым в Москве и оставшимся в Ленинграде академиком Гринбергом, замечательными химиками, работавшими в области химии платиновых элементов.

V Менделеевский съезд. 1-й ряд (слева направо): И.А. Каблуков, А.Е. Фаворский, Н.С. Курнаков, В.С. Гулевич, В.Е. Тищенко; 2-й ряд (справа налево): А.Е. Арбузов, И.И. Бевад, М.А. Бутлеров (сын А.М. Бутлерова), А.М. Васильев, Д.Н. Прянишников; 3-ряд (слева направо): А.И. Луньяк, В.В. Челинцев, Н.А. Прилежаев, Н.Н. Ворожцов; 4-й ряд: А.Ф. Герасимов. Казань, 1928. Источник фото: [wikimedia.org](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:V_Mendeleev_Congress.jpg)

В.Д.: Это какое время?

П.Р.: Это все относится к довоенным годам и, в дальнейшем, к послевоенному времени. Академик

Черняев умер значительно позднее, чем академик Курнаков, уже совсем недавно сравнительно, после войны, в 60-е годы. И эти работы развиваются и сейчас его учениками, крупнейшими химиками, учениками уже школы Черняева, а Черняев является учеником Чугаева, сподвижника академика Курнакова во время еще ленинградского периода работ лаборатории Академии наук, которые, как я говорил, возглавлял академик Курнаков.

В.Д.: Петр Александрович, можно вопрос? Иоффе и Курнаков... Организация этих институтов, о которых вы говорили, это все-таки какое еще время?

П.Р.: Видите, я вам уже говорил, что институт Иоффе был создан сразу после революции. В это же время были созданы и расширены, собственно, лаборатории Академии наук. Курнаков был академиком до революции так же, как и Лазарев.

В.Д.: Так вот по отношению к Лазареву, это до или после?

П.Р.: Нет, одновременно. Лазарев и Курнаков были академиками избраны в 1916 году*, так что перед самой революцией. Во всяком случае, еще до революции Курнаков возглавил организованную еще в царской России петербургскую, нет, петроградскую тогда, во время первой империалистической войны, химическую лабораторию Академии наук.

* Курнаков стал академиком в 1913 году, а Лазарев – в 1917 году.

В.Д.: А Иоффе не был академиком?

П.Р.: А Иоффе не был академиком. Иоффе был избран в академики в 1920 году.

В.Д.: Вообще, в старой императорской Академии наук среди академиков могли быть евреи? Не было ограничений?

П.Р.: Я думаю, что могли быть в том случае, если они принимали крещение. Иоффе, насколько я понимаю, тоже был крещен, так что он мог бы быть. Но в старое время он был приват-доцентом, он не был даже профессором, но сразу после революции он получил профессуру и был избран в академики. И сразу же он организовал этот вот Институт физико-технический.

Вообще, ведь исследовательские лаборатории, кроме академических, возникли только после революции, как я говорил. Карповский институт был организован после революции. Лебедевский институт сначала был создан на основе университета Шанявского.

В.Д.: Вот этот подвал...

П.Р.: Да, а затем на Миуссах был построен, благодаря личному пожертвованию, такой исследовательский институт, который должен был бы быть как бы при университете Шанявского. Но в результате революции он сделался самостоятельным физическим институтом, а потом Институтом физики и биофизики.

Я должен сейчас обратить особое внимание на замечательные личные свойства этих выдающихся ученых, к которым надо, конечно, причислить в первую очередь академика Курнакова как замечательного организатора, объединившего всех химиков, занимавшихся общими вопросами физической химии, прикладными проблемами химии, и использовавших физико-химические методы для решения важнейших прикладных вопросов.

Николай Семенович Курнаков был необычайно благожелательным человеком, не очень поэтому любившим проводить всякого рода критику. Это было его слабым местом. Конечно, для развития науки нужна безжалостная критика. Но он этого совершенно не признавал.

Курнаков ко всем обращался с нежным словом «батенька». «Батенька, батенька, — говорил он, — ну, давайте как-нибудь вместе обсудим это по-дружески». Это было для него очень характерно.

Иногда, впрочем, приходилось и ему с негодованием отвергать того или иного, совсем неподходящего для научного коллектива человека, то есть человека, примазавшегося к науке или откровенно враждебного данному коллективу, человека, который не желал работать, а лишь оказывался таким, ну, жуликом, что ли, лжеученым, человеком, который хотел брать от науки только ее плоды путем присвоения чужих результатов и путем опорочивания честных ученых. Курнаков, конечно, совершенно не принимал таких людей, относился к ним безжалостно, но вместе с тем он и тут оставался верен себе. Например, об одном таком человеке, который был лично известен многим из нас, младшим друзьям Николая Семеновича Курнакова, к которым и я имею право себя причислить, так как я очень часто беседовал с ним, делал доклады в его институте и непосредственно в его лаборатории, на его коллоквиумах. Вот к таким людям, к которым он считал нужным относиться безжалостно, считал нужным их всячески отвергать, безжалостно изгонять из своего коллектива... Вот, мы его иногда провоцировали на то, чтобы он дал о них уничтожающую характеристику как глава этого коллектива. Один раз мне приходилось слушать, как он сказал: «Да, вот об этом, — скажем, N, — об этом человеке N я скажу вам...»

В.Д.: О ком?

П.Р.: Он жив и сейчас, так что я не хочу говорить, но и сейчас, надо сказать, он не стал лучше. Собственно говоря, и сейчас все честные ученые его отвергают.

В.Д.: Он все-таки сделал карьеру?

П.Р.: Да, карьеру он сделал, конечно, к сожалению. Ну вот. «Вот о нем я вам скажу, батеньки. О нем я вам скажу... Вот сейчас я вам о нем скажу...» — говорил Курнаков несколько раз. После этого он махал обеими руками и говорил так: «Нет, лучше уж я о нем ничего не скажу». Это была самая убийственная оценка, которую приходилось от него слышать. После этого все понимали, что он однозначно отрицательно относится к этому человеку и требует его изгнания.

В.Д.: А ругаться не хочет.

П.Р.: Ну, другие ученые были более решительными. Среди ближайших сотрудников Курнакова были более твердые его помощники, которые помогали ему очиститься от такого рода, конечно, загрязняющих коллектив «приверженцев» в кавычках. К счастью, таких всегда было меньшинство. Это относится не только к Курнакову, но в большей степени к коллективам Иоффе и Лазарева. Здесь подавляющее большинство было замечательных ученых, в то время молодых, которые потом выросли в крупнейших самостоятельных деятелей науки и становились руководителями своих собственных научных школ.

Химия в Московском университете. Противостояние А.Н. Баха и Н.Д. Зелинского

Говоря о химии и переходя к химии исконно московской, я должен вновь вернуться к двум химическим крупнейшим центрам Москвы. Это, прежде всего, Московский университет с его химическим факультетом. Всем известно, какие потрясения и изменения испытал Московский университет на разных стадиях развития высшего образования. Московский университет преобразовался. С одной стороны, эти преобразования носили очень здоровый характер и были связаны с тем, что Московский университет разбухал, рос беспредельно. В связи с этим потребовалось, например, выделить из него совершенно гипертрофированный по своему развитию медицинский факультет. Медицинский факультет Московского университета породил в дальнейшем своем развитии ряд самостоятельных медицинских высших школ

Москвы. Все они имели своим корнем медицинский факультет Московского университета.

В.Д.: До 29-го года.

П.Р.: Но это было здоровое преобразование. С другой стороны, развитие Московского университета и его естественный рост был связан с рядом совершенно нездоровых преобразований. На этом пути, как известно, были попытки создания ряда университетов: 1-й университет, 2-й университет, 3-й университет и так далее. В связи с этим приписывали даже известному нашему химику Ивану Алексеевичу Каблукову, породившему очень много анекдотов в процессе своей деятельности из-за того, что он не очень-то любил связно говорить. Его связная речь часто прерывалась весьма странными, иногда даже удивительными сочетаниями. Вот, например, приписывали Каблукову такое словообразование. Он говорил: «Я работаю это...»: — обычное такое искажение связной речи у Каблукова. «Я работаю вот это... в 1-м МГПУ и во 2-м МГПУ», — говорил Каблуков. Ну, тогда известностью пользовалось учреждение, которое стояло на страже Советской власти, но в то же время, как известно, здесь допускался и ряд искажений, и поэтому оно пользовалось и с этой стороны некоторой известностью.

Но, надо сказать, что в дальнейшем все эти искажения деятельности Московского университета в его бурном развитии были довольно быстро исправлены.

Слева направо сидят Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, Н.М. Кижнер, А.Н. Северцов, стоят Н.Н. Лузин, М.Н. Розанов и В.И. Вернадский. Санаторий «Узкое», 1934. Источник фото: wikimedia.org

В.Д.: Пожалуйста, Петр Александрович, продолжайте.

П.Р.: Легко назвать одну единственную личность, которая олицетворяла на протяжении всего советского периода развития науки, с самых первых лет революции и до своей смерти в 1953 году, всю университетскую химию в Москве. Эта личность — академик Николай Дмитриевич Зелинский. Николай Дмитриевич был замечательным химиком-органиком, положившим начало современному органическому катализу и нефтехимии, то есть органической химии углеводов — продуктов разгонки

нефти, превращение нефти, как сокровищницы основного химического сырья, во все многообразие химии органических соединений, нужных всем отраслям народного хозяйства и промышленности. Самая крупная школа химиков — это школа Зелинского, московская школа органической химии. Достаточно сказать, что его учеником был академик Баландин, физикохимик, работавший в области органической химии и создавший наиболее совершенную теорию гетерогенного катализа, повышение скоростей химических реакций и, прежде всего, реакций углеводородов, крекинга, то есть превращение тяжелых, малополезных углеводородов нефти в бензиновые фракции для того, чтобы, например, получать таким образом дополнительный источник бензина для авиации, для автомобилей. Академик Несмеянов был также учеником Зелинского, он основатель самостоятельной школы металлоорганических соединений. Академик Казанский, профессор Платэ, множество других замечательных химиков нашего времени — это все члены школы академика Зелинского. Зелинский был не только ученым, но и замечательным организатором-общественником. Он был председателем Московского отделения Всесоюзного химического общества имени Менделеева в течение многих лет. Он же был организатором народного университета имени Зелинского при Московском университете. Это лекторий, собиравший огромную аудиторию людей, желавших ознакомиться с дальнейшими достижениями физики и химии. Этот лекторий работал на Моховой, в старом здании Московского университета. С другой стороны, надо сказать, что Зелинский очень много сделал вместе с Несмеяновым. Несмеянов уже тогда был ректором Московского университета, он был первым ректором-академиком.

В.Д.: Да. Он был ректором с 45-го по 50-й год, я помню.

П.Р.: Нет, нет, что вы! Гораздо позднее.

В.Д.: Сразу после войны. Отставили Галкина, назначили Несмеянова. А с 50-го года — Петровский.

П.Р.: Нет-нет, Несмеянов был во все время строительства. Петровский был гораздо позднее, когда Несмеянов стал Президентом Академии. Да, значит, с 51-го*. Но тогда Несмеянов продолжал участвовать в строительстве зданий, прежде всего здания химического факультета. Самое интересное, что в строительстве зданий химического факультета Несмеянову очень помогал Зелинский...

* А.Н. Несмеянов был ректором МГУ в 1948—1951 гг., а И.Г. Петровский — в 1951—1973 гг.

Митинг в честь открытия нового здания МГУ на Ленинских горах, на котором выступил Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов. Москва, 1 сентября 1953. Фотографии Якова Халипы. Источник фото: www.arran.ru

В.Д.: Он еще был жив?

П.Р.: Да, до 53-го года. Зелинский умер в 53-м году, не дождавшись, к сожалению, переселения естественных и математических факультетов университета в новое здание. Не дождался этого, хотя он бывал на строительстве сам, ездил на строительство вместе с Несмеяновым. Вот даже эти кадры фильма: Николай Дмитриевич Зелинский на верхних этажах уже почти достроенного нового здания осматривает все основные корпуса строившихся факультетов. Строительство почти достигло конца, когда он еще мог его видеть.

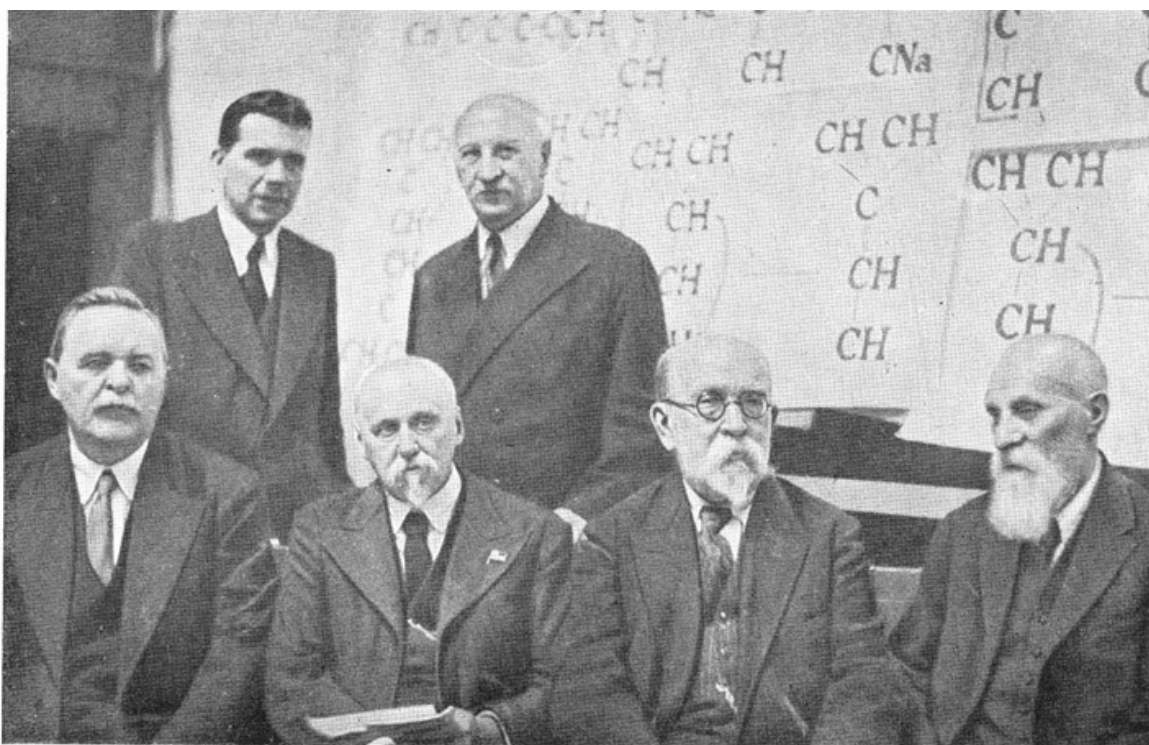
Надо сказать, что две школы химиков — школа физикохимиков в Физико-химическом институте имени Карпова, в котором академик Бах был директором, и биохимиков в соседнем Биохимическом институте имени Баха — эти две школы химиков в известной степени противопоставлялись друг другу.

”

Здесь, конечно, не могло быть и речи о каком-нибудь научном противопоставлении, но общественная деятельность обоих замечательных советских химиков — Зелинского и Баха — вынуждено противопоставляла их друг другу.

И.В. Петрянов-Соколов, Н.А. Фукс, А.Н. Фрумкин, Ф. Жолио-Кюри, И. Жолио-Кюри, Н.А. Бах, А.Н. Бах. Москва, 1936. Источник фото: www.nifhi.1gb.ru

Декабрьская сессия Академии Наук СССР. Сидят (слева направо) академики С.С. Наметкин, В.Л. Комаров, А.Е. Фаворский, А.Н. Бах. Стоят С.И. Вавилов и А.Ф. Иоффе. Москва, 1936. Источник фото: www.inbi.ras.ru

Академик Бах стал президентом Всесоюзного химического общества имени Менделеева в целом, а академик Зелинский был председателем Московского отделения этого общества. Само собой разумеется,

тут трудно было представить себе, чтобы академик Зелинский мог быть подчинен академику Баху, однако такое подчинение было неизбежным. Потому что, например, деятельность Московского отделения контролировалась Всесоюзным обществом имени Менделеева и его президиумом. Помощником Баха как президента, вице-президентом общества, был академик Вольфович, крупнейший технолог...

В.Д.: Это крупная величина?

П.Р.: Да. Он выдающийся технолог-химик, несколько энциклопедического характера, охватывающий всю технологию, и поэтому неизбежно разбросавшийся, но замечательный знаток химической технологии. Сам очень много сделавший в области технологии удобрений, прежде всего, фосфатных удобрений, переработки фосфатов, апатитов, фосфоритов в полноценные удобрения, технологии получения фосфора и его соединений из того же самого ископаемого сырья.

В.Д.: Он был вице-президентом при Бахе?

П.Р.: Он был вице-президентом при Алексее Николаевиче Бахе в качестве президента. А помощником Зелинского по Московскому отделению был профессор Борис Моисеевич Беркенгейм, тоже энциклопедически охватывавший все области химии, но вряд ли его можно назвать ученым: он был скорее организатором науки и, в частности, был главным редактором «Успехов химии» — журнала, подводившего итоги разным областям химической науки. До сих пор этот журнал существует, развивается очень успешно, и мы все с удовольствием вспоминаем то время, когда профессор Беркенгейм был его главным редактором. Он был очень высоко эрудированным химиком, хорошо знавшим все области, все взаимоотношения химиков того времени и очень много помогавшим Зелинскому в области руководства Московским отделением Менделеевского общества. Но на основе этого все-таки было очень много недоразумений.

Например, мне очень памятно заседание, в котором я лично участвовал как один из членов президиума Московского отделения, когда академик Бах как президент подытоживал итоги проверки результатов работы Московского отделения в присутствии академика Зелинского как председателя Московского отделения. Это заседание было очень шумным, к сожалению, лишенным какого-либо научного интереса, но общественный интерес оно представляло и было очень поучительным для нашей молодежи. Тут обсуждалась бухгалтерская, я бы сказал, финансовая деятельность Московского отделения, которая оставляла желать лучшего. Потому что к деятельности Московского отделения в то время примазывались разные темные люди, которые старались, несомненно, как-то способствуя организационной деятельности отделения, в частности, развитию народного университета имени Зелинского, того замечательного лектория, о котором я говорил, в то же время старались как-то на этом нажиться и получить в свое распоряжение какие-то суммы, которые тогда по общественной линии можно было получать достаточно бесконтрольно. Но, надо сказать, что академик Зелинский сам являл собой замечательный пример полного бескорыстия ученого, он никогда не старался получить лишние какие-нибудь деньги, сверх тех, которые ему полагались в порядке зарплаты, тогда, кстати сказать, не очень большой еще... Речь идет о заседании, которое происходило до войны.

В.Д.: В каком году примерно?

П.Р.: Году в 36-м — 37-м.

В.Д.: Ах, вот как.

П.Р.: Да. Но тогда, правда, было много у всех ученых совместительств. Это объяснялось тем, что не был урегулирован вопрос о зарплате на основной должности, в отличие от того, как это было сделано сразу после войны, когда академики, профессора получили очень высокие зарплаты, жалование стало сильно повышенным. Кроме того, в первое время после войны, когда, как известно, еще было трудно с продовольствием, и с одеждой, и с обувью, были сделаны всякие пайки специальные, которых раньше, конечно, не было. А потом все это превратилось в большие оклады для ученых. Так вот на этом заседании Алексей Николаевич Бах, выслушав доклад Семена Исааковича Вольфовича, который очень критически рассмотрел финансовую деятельность Московского отделения, сказал довольно громко и нелицеприятно:

«Вот, Николай Дмитриевич, надо нам принять действенные решения об исправлении этих недостатков, а то ведь, знаете, советская власть не посмотрит, что мы с вами академики, а привлечет нас к ответственности. Тут и к прокурору нас с вами могут привлечь за те дела, которые под флагом наших имен, имен ученых, ведутся теми, кто, так сказать, нашел себе здесь у нас прибежище». Николай Дмитриевич Зелинский был очень обижен такими словами и говорил: «Ну что же, привлекайте меня к ответственности, как мальчишку, привлекайте меня к прокурору». Из этого ничего не вышло. Никто его не привлекал, но вскоре оказалось, что, действительно, от этих жуликов пришлось избавиться. Помогли соответствующие органы: и уголовные органы, и органы госбезопасности, которым пришлось навести порядок в этих, казалось бы, чисто научно-общественных организациях. И таким образом, Зелинскому пришлось здесь поступиться некоторыми из своих малопочтенных помощников. Речь шла, конечно, не о помощниках по науке, а о помощниках чисто административного характера.

В.Д.: Административно-хозяйственного.

П.Р.: Да. Но, тем не менее, недружелюбие такое все-таки существовало в течение довольно долгого времени, и, к сожалению, эти последние годы жизни академика Баха были, видимо, этим омрачены. Я хотел бы напомнить, что Бах умер, достигши почти 90-летнего возраста. Он был возвращен в Москву после эвакуации в 43-м году, но последние годы уже совсем был плох и не мог заниматься ни в какой мере научной деятельностью, чего нельзя сказать об академике Зелинском, который был немножко, правда, моложе Алексея Николаевича Баха. Они были почти одного возраста, но Зелинскому в год смерти Баха, в 1945* году, было, следовательно, 84 года. Баху было 89 лет. Разница между ними была в 5 лет. Но Зелинский был неизмеримо активнее. Он занимался научной работой в разных, правда, формах (уже не в лаборатории) до самых последних дней своей жизни. Надо сказать, что и академик Бах тоже любил непосредственно работать в лаборатории и постоянно бывал в лабораториях Карповского института. Он был замечательным специалистом в области биохимии и, прежде всего, различного рода биохимических процессов, сопровождающих дыхание живых организмов.

* А.Н. Бах умер в 1946 году.

В.Д.: Бах, кажется, до революции был профессиональным революционером, эмигрантом?

П.Р.: Он не был профессиональным революционером в том смысле, что, эмигрировав, он уже не продолжал революционной работы, а в эмиграции занимался научными исследованиями.

В.Д.: В Швейцарии?

П.Р.: У него была лаборатория своя в Женеве, в Швейцарии. И в этой лаборатории он активно проводил научную работу. Там он и прославился как ученый. А академиком он стал после возвращения в Советский Союз. Он был избран в Академию наук, насколько я припоминаю, вскоре после революции, когда он основал Карповский институт.

А.Н. Бах в домашней лаборатории. Шампель, Женева, конец XIX – начало XX века. Источник фото: www.inbi.ras.ru

В.Д.: То есть сразу в 17-м?

П.Р.: В 20-м году.

В.Д.: В 20-м, а Зелинский?

П.Р.: Зелинский тоже был избран в 20-м году*.

В.Д.: Это, значит, первая плеяда советских академиков. Еще состав избирал старый?

П.Р.: Да-да. Последующее избрание уже относилось к 29-му году.

В.Д.: Ну, это уж другая обстановка была.

П.Р.: Да. В 29-м** году были избраны, главным образом, технологи и химики-технологи, в том числе Байков, Бардин...

* Зелинский и Бах стали академиками АН СССР в 1929 году.

** Байков и Бардин были избраны в академики в 1932 году.

В.Д.: Типа общественного.

П.Р.: Да, но очень много было избрано техников. Горняки тогда были избраны впервые. Академик Скочинский был тогда избран...

В.Д.: Ну, и тогда много по общественным наукам. 29-й год я помню.

П.Р.: Да. Вообще, по гуманитарным наукам тогда много было. И, кстати сказать, не только с целью укрепления политического престижа и политического значения Академии наук, что тоже было очень важно, но, кроме того, были избраны и историки, и филологи, я бы назвал, старого стиля.

В.Д.: Да. Вот Павел Никитич Сакулин в 29-м году был избран. А с другой стороны, были такие, избрание

которых, во всяком случае, формально, наоборот привело к каким-то неприятностям для Академии: избрали Бухарина.

П.Р.: Да, конечно.

В.Д.: Ведь Академия была для целого ряда лиц такой промежуточной стадией между политической деятельностью...

П.Р.: Да-да-да. Конечно, были трудные положения. Я думаю, на этом можно сегодня закончить.

В.Д.: Сегодня? Или вообще?

П.Р.: Нет, сегодня. Я думаю, что сегодня можно закончить.

В.Д.: Сегодня у вас голос больно усталый.

П.Р.: Да, я сегодня очень устал что-то.

Встречи с иностранными учеными и юбилей Академии наук

В.Д.: А что у вас еще в перспективе?

П.Р.: Я бы с удовольствием рассказал о встречах с иностранными и советскими учеными, знаменитыми. Вот такими иностранными учеными, как Жан Перрен, как Сведберг. Перрен, как известно, умер, также как и Ланжевэн, о котором я говорил. Ну, Сведберг жив до сих пор, но уже совершенно не дееспособен. Он тяжело болен и уже не посещает никаких, ни научных, ни учебных...

В.Д.: Интересно. Связи советских ученых с зарубежными.

П.Р.: Да, связи с иностранными учеными, в особенности, вот, довоенные связи и послевоенные связи.

В.Д.: Меня интересует, конечно, прежде всего, более отдаленное время.

П.Р.: Да-да-да. Вот такие ученые: Перрен, Сведберг и Ленгмюр. Ленгмюр — это знаменитый американский физикохимик. В большинстве своем это наши иностранные члены Академии наук, раньше это было то же, что почетные члены, а потом это было разделено. Сейчас почетных членов нет, как известно, но сейчас есть иностранные члены Академии наук. И вот Сведберг является иностранным членом Академии наук СССР до сих пор, так как он еще жив. Затем Макбейн — знаменитый физикохимик американский, который приезжал к нам в 37-м году в Москву. И мне приходилось много с ним проводить времени. Вот о нем тоже я мог бы рассказать. Ну, и о совместных встречах иностранных и советских ученых. Особенно во время знаменитых юбилеев Академии наук, в которых я участвовал, в обоих.

В.Д.: Как, и в 200-летнем участвовали?

П.Р.: Я участвовал, прежде всего, в 200-летнем.

В.Д.: В 25-м году?

П.Р.: В 26-м году отмечалось. По неясным причинам оно было смещено на 26-й год. Тут у меня было очень много встреч и с иностранными, и с русскими учеными. А затем 220-летие, которое состоялось в 45-м году, то есть оно совпало с празднованием Победы.

В.Д.: Странная дата — 220-летие.

П.Р.: Да, 220-летие. Решили его объединить с празднованием Победы. Наша страна, ее авторитет среди всех стран мира страшно повысился победой над фашистскими полчищами. Все признавали заслуги Советского Союза в этой общей Победе и поэтому чтобы сделать празднование победы политически, так сказать, более широким, решили объединить его с празднованием 220-летия Академии наук СССР,

то есть с мирным праздником.

Макс Планк, знаменитый немецкий ученый, наверное, самый знаменитый из всех...

Заседание Юбилейной комиссии по проведению празднования 220-летия Академии наук СССР на даче у президента АН СССР В.Л. Комарова. Среди присутствующих академики: И.П. Бардин, В.П. Волгин, Л.А. Орбели, В.Л. Комаров, Н.Г. Бруевич, Н.Д. Зелинский, Н.В. Зубов. Николина гора, май 1945. Источник фото: www.arran.ru

Участники юбилейной сессии АН СССР осматривают разрушенные памятники архитектуры Петродворца. Пригород Ленинграда, июнь 1945. Источник фото: www.arran.ru

В.Д.: А Нильс Бор приезжал?

П.Р.: Бор приезжал много раз. Но вот с Бором я не встречался, так что я не могу ничего о Боре рассказать. А вот об упомянутых мною людях я могу рассказать.

В.Д.: Это очень хорошо, тем более, что празднование 200-летия в 25-м — 26-м году, конечно, было очень большим событием и стоит в кругу целого ряда других таких юбилеев в это же время: юбилей Большого театра, Малого театра... И вообще, это был год, так сказать, полного признания традиций большой русской культуры и год слияния ее с советской культурой.

П.Р.: Сейчас я хочу один такой случай вспомнить, иначе, я боюсь, что я о нем забуду сказать. Во время празднования 200-летия Академии наук в 26-м году, как известно, Академия была переименована.

В.Д.: Из императорской...

П.Р.: Нет, императорской она не была с 17-го года. Из Российской Академии наук в Академию наук СССР. Вот она тогда была переименована, именно тогда. И президентом стал академик Карпинский. При нем же я был избран в члены-корреспонденты Академии наук, несколько позднее, в 1933 году, а в то время я был молодым доцентом московским, принимавшим участие в юбилее, наряду с другими молодыми учеными, главным образом потому, что я легко говорил по-французски. Меня пригласили, для того, чтобы участвовать в помощи иностранным ученым. И по-немецки я говорил, правда, значительно хуже. Но очень хорошо мне памятно, как Карпинский, вице-президент Академии наук Стеклов, знаменитый

математик, имя которого теперь носит Математический институт Академии наук, вместе с академиком Ферсманом в качестве главного, так сказать, гида, если угодно, осматривали знаменитый наш Алмазный фонд, который находился в ведении Наркомфина. Он находился, если не ошибаюсь, где-то около Бронной или на самой Бронной, в подвалах. И вот этот Алмазный фонд тогда демонстрировался очень немногим. Естественно, под страшной охраной все эти драгоценности императорской короны демонстрировались. Надо сказать, все они сохранены в настоящее время. Сейчас они находятся, как известно, в Оружейной палате, в специальном Алмазном фонде, тоже в подвалах. А сейчас я только должен вспомнить один курьезный, совершенно анекдотический, но истинный факт, как Ферсман, который отличался необычайной веселостью, необычайной живостью (Александр Евгеньевич был всегда очень толстым и страшно подвижным, веселым человеком, таким холериком), показывая Алмазный фонд, все время хватал руками то скипетр, то корону императорскую. И кончил тем, что он надел корону на голову вице-президента, академика Стеклова, который отличался чрезвычайно почтенной бородой, хотя был очень не старым. Он, вообще, очень рано умер, 60-ти лет, не больше. И вот когда он возложил на его голову корону, все иностранцы засмеялись. И еще пытался ему в руку вложить скипетр, но тот не взял скипетр и страшно был рассержен. Очевидно, настолько еще недавно произошла революция, что такое коронование, хотя и шутовское, вице-президента Академии расценивалось им как такое издевательство.

Заседание юбилейной комиссии по проведению празднования 200-летия Академии наук СССР. Слева направо С.Ф. Платонов, А.Е. Ферсман, В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург, Б.Н. Молас, И.Ю. Крачковский, Е.Ф. Карский, Г.Н. Соколовский. Ленинград, 1925. Источник фото: hepd.pnpi.spb.ru

В.Д.: А он был, по-моему, партийный большевик, Стеклов?

П.Р.: Никоим образом.

В.Д.: Я помню, что Стеклов — редактор «Известий». Это другое дело. Это разные совсем люди.

П.Р.: Тот Стеклов был под своей фамилией Нахамкис. «Стеклов» — был его псевдоним.

В.Д.: Да. А этот как-то с кораблестроением связан?

П.Р.: Нет. Это Крылов связан. Тоже никогда не был членом партии. Стеклов — старый ученый, с самого начала очень горячо взявшийся за перестройку Академии наук, лучше сказать, за ее развитие в новых формах, но, насколько я знаю, никогда не бывший в партии. Карпинский — необычайно милый человек, маленького роста, очень маленький, и очень было смешно видеть их всех рядом. Карпинский маленький, тоже с бородкой седой, высокий и красивый Стеклов, с прекрасной фигурой, толстый и тоже довольно высокий Ферсман, бритый и очень подвижный, — это разные люди, но все были одинаково замечательными выдающимися учеными. О встречах с ними и о встречах с иностранными учеными я бы

еще мог рассказать.

О фамилии и предках

В.Д.: Очень хорошо. Петр Александрович, а вы мне не сказали вначале ваш год и место рождения.

П.Р.: Как? Мое место рождения Санкт-Петербург, 1898 год.

В.Д.: 98-й? Ну, что ж... Я занимаюсь специально фамилиями, задумываюсь о вашей фамилии. Вы что же, из прибалтийских немцев?

П.Р.: Нет. Моя фамилия Ребиндер. Это старинный шведский род, который, действительно, поселился в свое время в Эстонии. Ребиндеры были командирами, генерал-фельдмаршалами гвардии короля Густава II Адольфа во время 30-летней войны. У Ребиндера, который был командиром его гвардии, было 11 сыновей. Один из них, младший...

В.Д.: Ого! Это в каком же веке?

П.Р.: Это было, как известно, в начале XVII века. Один из этих сыновей переехал в Эстландию, где получил поместье, оставшееся от псов-рыцарей, с которыми воевали как раз шведы и выгоняли их из Прибалтики. Эстонцы, например, как известно, ненавидели уже тогда немецких оккупантов, но они очень любили шведов и считали избавителями своими. Они не считали шведов поработителями. Но, в действительности, конечно, и шведы, и русские были в одинаковой степени тогда поработителями Эстонии, но все-таки между разными поработителями делались различия. Немцы были ужасными палачами, убийцами эстонского народа, а шведы и русские относились к эстонцам гораздо лучше, чем немцы. Они не любили немцев. Потом мои предки очень быстро перешли на русскую службу, и непосредственные мои предки во времена Петра Великого были уже на русской службе. Еще при Алексее Михайловиче Ребиндер был полковником рейтеров, возглавил первую иностранную конницу, которая при Петре Великом воевала уже под Полтавой против шведов. Так что в то время Ребиндеры были уже русскими и женились на русских. Поэтому я себя считаю целиком русским, у меня нет шведской крови практически за 300 лет.

Александр Михайлович Ребиндер, отец Петра Ребиндера. Фото из архива семьи Ребиндер

Петр Александрович Ребиндер с бабушкой Евдокией Федоровной Халютиной. Фото из архива семьи Ребиндер

В.Д.: Да. У вас уже, так сказать, доброе петербургское дворянство.

П.Р.: Да.

В.Д.: Теперь это уже не секрет.

П.Р.: Конечно.

В.Д.: Вот, как раз у меня и кончилась пленка.

Первая публикация интервью: Живое слово Петра Александровича. Беседы П.А. Ребиндера с В.Д. Дувакиным в 1971 году / Публ. и послесл. В.Ф. Тейдер // Академик Петр Александрович Ребиндер: к 100-летию со дня рождения. М., 1998. С. 190—201.